

МАЗЕПА.

ПОЭМА БАЙРОНА.

1.

Утихъ Полтавскій страшный бой.
Фортуна Карла не спасла :
Въ конецъ измучена борьбой,
На мѣстѣ рать его легла.
Достался блескъ воинской славы,
Людей измѣнчивыхъ кумиръ,
Защитникамъ другой державы
И далъ стѣнамъ Московскимъ миръ, —
До той всѣмъ памятной години,
До тѣхъ ужасныхъ, мрачныхъ дней,
Когда сильнѣйшія дружины
И имя—громче и славнѣй,
Обрекши бурному крушестью,
Судьба позору предала,
И міръ, въ глубокомъ ихъ паденьи,
Однимъ ударомъ потрясла.

2.

Такъ жребій роли измѣнилъ,
Онъ бѣгству Карла научилъ;
И день и ночь среди полей,
Обрызганъ кровію своею
И многихъ тысячъ, онъ бѣжалъ.
Но ни одинъ мятежный гласъ
Въ тотъ униженія горькій часъ
Среди толпы не возставалъ,
Погибшей славы не пятналъ
Своимъ упрекомъ, хотъ упрекъ
Безъ опасенія сдѣлать могъ.
Коня убилаго подъ нимъ
Гіета замѣнилъ своимъ,
И русскимъ плѣннымъ умеръ онъ....
А Карлъ, измученъ, пзнуренъ
Трудами дальняго пути,
Не могъ ихъ долѣ нести.
И вотъ — во глубинѣ лѣсовъ,
При дальнемъ отблескѣ костровъ,
Сторожевыхъ огней враговъ,
Онъ долженъ лечь былъ наконецъ:
Не это-ль лавровый вѣнецъ,
Не это-ль гибельной войной
И кровью купленный покой?
Карлъ ослабѣлъ и изнемогъ,
Подъ дикимъ деревомъ онъ легъ,
Страдая отъ засохшихъ ранъ.
Въ тотъ часъ былъ холодъ и туманъ;
Мракъ ночи покрывалъ поля;
Горячки жаръ въ крови игралъ
И сонъ целѣбный отгонялъ
Отъ глазъ усталыхъ короля;
Но средъ бѣды онъ духомъ росъ,
По-царски горе перенесъ,
И въ крайнемъ изнуреніи силъ

Страданья волѣ покорилъ:
Онѣ молчали передъ нимъ,
Какъ предъ владыкою своимъ.

3.

Отрядъ вождей!—увы, какъ мало
Со дня Полтавскаго ихъ стало!
Они въ паденіи своемъ
Слугами вѣрными явились,
Съ безмолвной грустію кругомъ
На почвѣ влажной помѣстились
Съ монархомъ; тамъ же конь стоялъ,
Его здѣсь жребій поровнялъ
Съ людьми. Сѣдой Мазепа тоже
Подъ тѣнью дуба сдѣлалъ ложе —
Суровыхъ казаковъ глава
Привыкъ довольствоваться малымъ;
Но позаботился сперва
Онъ о конѣ своемъ усталомъ:
Ему онъ листьевъ подостлалъ,
Подпруги крѣпкія ослабилъ,
По гривѣ съ лаской потрепалъ,
И по бедрамъ его погладилъ;
Потомъ съ любовью наблюдалъ,
Какъ онъ кормился, отдыхалъ:
Мазепа все еще боялся
Того, чтобъ конь его лихой
Травы, увлажненной росой,
Въ часъ ночи ѣсть не отказался;
Но конь былъ добръ, неприхотливъ.
Покоренъ, вѣренъ, терпѣливъ
Онъ голосъ господина знавъ
Его ередь тысячъ различалъ
И въ мракѣ ночи былъ готовъ
Примчаться на знакомый зовъ.

4.

Мазепа плащъ свой разложилъ
 И къ дубу пьку прислонилъ,
 Свое оружье осмотрѣлъ:
 Въ порядкѣ-ль вынесло оно
 Походъ, начатый такъ давно,
 На полкахъ порохъ все-ли цѣлъ
 Не зазубрился ли кремень,
 Не перетерся ли ремень
 Булатной сабли, и ножны
 Служить по прежнему-ль годны?
 Потомъ старикъ мѣшокъ досталъ,
 Гдѣ свой запасъ онъ сберегалъ,
 Все приготовилъ, разложилъ,
 И легкій ужинъ предложилъ,
 Простымъ приправленный виномъ;
 И Карлъ участие принялъ въ немъ
 Съ улыбкой, сился показать,
 Что ни-по-чемъ ему страдать,
 Что выше онъ и ранъ и бѣдъ.
 Онъ говорилъ: «Межъ нами нѣтъ—
 Признаться въ этомъ мы должны,
 Хоть всѣ мы смѣлы и сильны—
 Кто бъ превзойти Мазепу могъ
 Средь битвъ, и схватокъ, и тревогъ.
 Да, гетманъ, мѣръ, прибавилъ онъ,
 Отъ Александровыхъ временъ
 Подобной пары не видалъ
 Какъ ты и этотъ Буцефалъ!
 Что скины? помрачилъ ты ихъ
 Въ своихъ наѣздахъ удалыхъ.»
 На это гетманъ отвѣчалъ:
 «Да будетъ школа проклята,
 Гдѣ научился ѣздить я!»
 — Что такъ, старикъ? — сказалъ герой,
 — Не даромъ былъ ты въ школѣ той.—

«Долга исторія моя,
 Пришлось бы много говорить,
 Тогда какъ надо намъ спѣшить;
 Нашъ путь далекъ, и трудень онъ:
 Враги грозятъ со всѣхъ сторонъ
 И будутъ гнать насъ средь степей,
 Пока кормить придетъ пора
 На правомъ берегу Днѣпра,
 На волѣ намъ своихъ коней.
 Король, Вамъ сонъ необходимъ,
 Я здѣсь побуду часовымъ
 Отряда Вашего.»—Нѣтъ, нѣтъ,
 Быть можетъ, повѣсть прежнихъ лѣтъ
 Меня на время усыпить,
 Я отдохну подъ твой расказъ,
 А то моихъ усталыхъ глазъ,
 Неуловимый сонъ бѣжитъ. —

«Быть такъ, въ надеждѣ сей я радъ
 Вернуть лѣтъ пятьдесятъ назадъ.
 Двадцатый годъ ужь наступалъ
 Тому, какъ я родился въ мѣръ;
 Тронъ королевскій занималъ
 Въ то время въ Польшѣ Казиміръ,
 Я въ раннемъ возрастѣ моемъ
 Шестъ лѣтъ служилъ его нажомъ.
 Ученый государь онъ былъ,
 Онъ воинъ не вель: онъ не любилъ
 Чужія царства покорять,
 Чтобъ послѣ снова ихъ терять,
 И правилъ тихо сколько могъ,
 (За исключеніемъ тревогъ
 Варшавскихъ сеймовъ). Но сказать,
 Что удалось избѣжать
 Ему волненій — было бы ложь;
 Онъ музъ любилъ и женщинъ тожь,
 Ихъ своенравіе порой
 Смущало духъ его войной;
 Но скоро гнѣвъ его стихалъ,

Тогда онъ праздники давалъ
На всю Варшаву; у воротъ
Его дворца стоялъ народъ,
Бросая любопытный взоръ
На пышный Казимира дворъ,
На этихъ гордыхъ, знатныхъ дамъ
И на вельможъ, бтвставшихъ тамъ
Величьемъ царственнымъ предъ трономъ,
Предъ мудрымъ «Польскимъ Соломономъ.»
Такъ воспѣвали всѣ его
Поэты, кромѣ одного:
Щедротой царскою забытый,
Бѣднякъ въ сатиру ядовитой
Рѣшился злость свою пзлить,
Хвалясь, что не умѣетъ льстить.
Среди пировъ и зрѣлищъ шумныхъ,
Увеселеній остроумныхъ,
Тамъ каждый пробавалъ себя
Въ стихахъ, поэзію любя,
И я, примѣромъ увлеченный,
Разъ написалъ «Тврсисъ влюбленный»...
Тамъ былъ извѣстный паладинъ
Породы древней господинъ;
Его казна была богата,
Гордись среди другихъ людей
И родословною своею
И, какъ заслугой, блескомъ злата,
Онъ такъ себя надменно велъ,
Какъ будто съ неба къ намъ сошелъ.
Но этимъ блескомъ, этой славой,
Всей обстановкой величавой
Могла ли быть ослѣплена
Его красавица — жена?
Моложе втрое по несчастью,
Она скучала мужней властью,
И послѣ безпокойныхъ грѣзъ,
Въ честь вѣрности прощальныхъ слѣзъ,
Ждала лишь случаевъ счастливыхъ,
Которые пмѣютъ власть

Воспламенять внезапно страсть
 Въ сердцахъ красавицъ горделивыхъ —
 Чтобъ ей другаго полюбить,
 Правами графа подарить.

5.

«Теперь я старъ, теперь я сѣдъ,
 Вѣдь мнѣ за семьдесятъ ужъ лѣтъ,
 Но въ раннемъ возрастѣ моемъ
 Я былъ красивымъ молодцомъ.
 Не многіе изъ молодыхъ
 Людей, изъ сверстниковъ моихъ,
 Дворянъ и знатныхъ и простыхъ,
 Могли бъ поспорить той порой
 Въ блестящихъ качествахъ со мной.
 Я былъ силенъ и живъ и смѣлъ,
 Видъ нѣжный я тогда имѣлъ,
 Какъ нынче грубъ онъ и суровъ;
 Война, заботы, рядъ годовъ
 Изгладили, и до конца,
 Черты тогдашнія лица
 Съ ихъ выраженіемъ живымъ.
 Да, слишкомъ разная пора
 Мое сегодня и вчера!
 Такъ что знакомымъ и роднымъ
 Теперь меня бы не узнать,
 Когда бъ случилось увидать.

 Терезы образъ молодой
 Какъ будто вижу предъ собой,
 Воспоминаніе объ ней
 Горитъ, живетъ въ душѣ моей.
 Но я не въ силахъ описать
 Вамъ эти милыя черты;
 Смѣшенье польской красоты
 Съ турецкою могло ей дать
 Ту пару азіатскихъ глазъ,

Темнѣй чѣмъ небо въ этотъ часъ ;
 Но въ нихъ сквозилъ украдкой лучъ,
 Какъ мѣсяцъ въ полночь изъ за тучъ;
 И свѣтъ во мракѣ ихъ свѣтилъ,
 Мѣшая съ нимъ лучи свои,
 Глубокій взглядъ ихъ полонъ былъ
 Огня, томленья и любви,
 И было милое чело
 Свѣжо... какъ озеро свѣтло
 Безъ вѣтра, въ лѣтней тишинѣ,
 Съ недвижнымъ солнцемъ въ глубинѣ,
 Когда волна не говоритъ,
 И сводъ небесъ въ нее глядитъ;
 Лицо.... но продолжать ли мнѣ
 Портретъ возлюбленной моей?
 Еще горю любовью къ ней,
 При всѣхъ превратностяхъ земныхъ,
 Въ бѣдахъ и радостяхъ моихъ;
 И въ гнѣвѣ любимъ мы подъ часъ,
 И въ старости тревожитъ насъ
 Минувшаго пустая тѣнь,
 Такъ какъ Мазепу въ этотъ день.

6.

«Мы встрѣтились, — и я взглянулъ,
 Отъ глубины души вздохнулъ,
 Безъ словъ отбѣтила она....
 Природа чудныхъ тайнъ полна;
 Есть много тоновъ, знаковъ въ ней —
 Ихъ слышимъ, видимъ, но ничей
 Определить не можетъ умъ;
 Какъ искры, рой завѣтныхъ думъ
 Изъ переполненныхъ сердецъ
 Наружу рвется наконецъ :
 Для нихъ то тотъ языкъ нѣмой,
 Связь юныхъ душъ между собой,
 Тѣ знаки молніей бѣгутъ,

Отъ сердца къ сердцу вѣсть несутъ ;
 Передавая въ тотъ же часъ
 Другимъ огонь горящій въ насъ....
 И долго, молча, я страдалъ,
 Но все вдали себя держалъ,
 Пока представленъ не былъ ей.
 О, сколько разъ въ душѣ моей
 Являлась мысль заговорить
 Съ Терезою, чтобъ ей открыть
 Огонь, бушующій въ крови,
 Но мнѣ мѣшалъ какой-то страхъ,
 И замирали на устахъ
 Слова дрожащія любви....
 Однажды, шумною толпой,
 Мы развлекалися игрой ;
 Счастливый жребій мой хотѣлъ,
 Чтобъ близъ Терезы я сидѣлъ ;
 И ту, которую любилъ.
 Какъ часовой я сторожилъ,
 (Дай Богъ, чтобъ часовые насъ
 Такъ сторожили въ этомъ часъ!)
 И я замѣтилъ, что она
 Была задумчива, блѣдна,
 И не игрой увлечена,
 А чѣмъ-то.... Я не знаю чѣмъ....
 Она играла между тѣмъ,
 Оставить круга не могла,
 Какъ бы прикована была,
 На зло желанью своему,
 Недвижно къ мѣсту одному.
 За нею долго я слѣдилъ,
 И вдругъ мнѣ мысли озарилъ
 Внезапный свѣтъ, — онъ подалъ вѣсть,
 Что для меня надежда есть.
 Тогда-то я заговорилъ....
 Признаться, рѣчь была темна,
 Что нужды? слушала она
 Мои несвязныя слова:

Кто слушалъ разъ , услышитъ два ,
Конечно сердце въ ней — не ледъ ,
Когда нибудь меня пойметъ!

7.

«Да, я любилъ и былъ любимъ.
Я слышалъ, слабостямъ такимъ
Совсѣмъ вы чужды; если такъ,
То повѣсть о моихъ слезахъ
И радостяхъ любви моей
Я сокращу, чтобы о ней
Не показался мой рассказъ
Пустой безсмыслицей для васъ.
Но вѣдь не всѣмъ дано судьбой
Разсудку страсти подчинять,
Или какъ вамъ — повелѣвать
И государствомъ, и собой.
Теперь я.... или былъ я — князь,
Вождь тысячъ, и на мой призывъ
Всякъ въ бой спѣшилъ наперерывъ,
Въ рядахъ стать первымъ не страшась,
Но надъ собой той власти нѣтъ!
Любилъ я, былъ любимъ въ отвѣтъ,
Считалъ счастливымъ жребій мой,
Но счастье кончилось бѣдой.
Встрѣчались тайно мы.... о! часъ
Свиданья перваго! для насъ
Онъ былъ наградою всему!
Отъ юности до зрѣлыхъ лѣтъ
Въ моихъ воспоминаньяхъ нѣтъ
Другаго равнаго ему,
Украину бъ я готовъ отдать,
Чтобъ пережить его опять
И быть по прежнему пажомъ,
Который лишь владѣлъ мечомъ,
Былъ дорогъ сердцу одному,
И не имѣлъ богатствъ другихъ,

Лишь крѣпость юныхъ силъ своихъ.
 Встрѣчались тайно мы: вдвойнѣ
 Пріятно это, говорить;
 Не знаю, это не по мнѣ,
 Я жизнь свою отдать былъ радъ,
 Чтобъ передъ небомъ и землей
 Назвать ее моею женой;
 Какъ часто я грустилъ о томъ,
 Что мы встрѣчались лишь тайкомъ!

8.

«Но на влюбленныхъ много глазъ
 Всегда глядятъ; слѣдили насъ....

 Въ глухую ночь подстерегли,
 Схватили, къ графу привели,
 Обезоружили меня;
 Но если бъ я покрытъ былъ я
 Весь сталью съ головы до ногъ,
 Что противъ нихъ я сдѣлать могъ
 Близъ замка, въ мѣстности пустой,
 Вдали отъ помощи людской?
 То было предъ разсвѣтомъ дня,
 Не ждалъ другаго видѣть я, —
 И въ мысляхъ обратясь съ мольбой
 Последней, къ Дѣвѣ пресвятой,
 Я предался судьбѣ своей!
 Не знаю я—что случилось съ ней,
 Съ Терезой, этотъ страшный часъ
 Разъединилъ навѣки насъ.
 Разгнѣвался надменный графъ—
 Признаться надо: онъ былъ правъ.
 Не могъ онъ перенести того,
 Что случай этотъ перейдетъ
 На нисходящій графскій родъ,
 Что благородный гербъ его,
 Котораго онъ былъ главой,

Запятнанъ дерзостью такой...
 Фи, срамъ! съ мальчишкою, съ пажомъ!
 Когда бъ то было съ королемъ,
 Быть можетъ, злобу обуздавъ,
 Съ судьбой бы примирился графъ.
 Но тутъ.... я не ниѣю силъ
 Сказать, какъ онъ озлобленъ былъ.

9.

«Коня сюда!» — а вотъ и конь,
 Степной породы, весь огонь;
 Казалось, мысли быстрота
 Была по членамъ разлита
 У скакуна; но онъ былъ дикъ,
 Къ уздѣ и шпорамъ не привыкъ,
 Пугливъ и робокъ какъ олень,
 И пойманъ только въ этотъ день.
 Онъ фыркалъ, гриву подымалъ,
 И страшно бился, и дрожалъ
 Въ безсиьной ярости своей;
 И подведенъ былъ сынъ степей
 Наѣмной челядью ко мнѣ,
 И накрѣпко къ его спинѣ
 Веревкой привязавъ меня,
 Пустили вдругъ они коня,
 Назадъ и на бокъ раздался —
 И мы какъ вѣтеръ понеслись.

10.

«Впередъ, впередъ! — я взнемогъ,
 Куда несусь понять не могъ,
 День чуть замѣтно разсвѣталъ,
 Покрытый пѣной, конь скакалъ
 Впередъ. Послѣднй звукъ людской,
 Который вѣтеръ несъ за мной

Со стороны враговъ моихъ,
 Былъ звѣрскій, дикій хохоть ихъ.
 Внезапнымъ бѣшенствомъ объять,
 Схвативъ веревку, я назадъ
 Хотѣлъ лицо поверотить,
 За зло проклятьемъ заплатить;
 Мнѣ удалось, но конь бѣжалъ
 Какъ буря, топотъ заглушалъ
 Мой крикъ — и онъ напрасенъ былъ!
 Я, правда, послѣ заплатилъ:
 На мѣстѣ томъ, гдѣ замокъ былъ,
 Подъемныхъ нѣтъ уже мостовъ,
 Ограда, рѣшотокъ, башенъ, рововъ:
 Поля его истреблены,
 Лишь дикая трава растеть
 На камняхъ рухнувшей стѣны;
 Ничто на мысль не наведеть,
 Что прежде крѣпость здѣсь была.
 Ей твердость стѣнъ не помогла:
 Я видѣлъ — башни тамъ пылали;
 Зубцы ихъ трескались кругомъ,
 Дымясь, ихъ крыши проливали
 Свинець растопленный, дождѣмъ.
 А въ часъ страданья и печали,
 Когда къ степному бѣгу
 Враги Мазепу привязали,
 Они едва ли помышляли,
 Что я имъ все припомяну!
 Такъ, снявъ съ души я это бремя....
 Равняетъ всѣхъ сѣдое время,
 И, если только выждать,
 Примѣровъ не было отъ вѣка,
 Чтобъ ктонибудь могъ избѣжать
 Упорной мести человѣка,
 Который много, много дней
 Лелѣеть зло въ душѣ своей.

11.

«Впередъ! И я, и конь степной,
Неслись, какъ вихри удалые,
И оставляли за собой
Всѣ обиталища людскія:
Такъ въ небѣ метеоръ летитъ,
Когда внезапно, съ громкимъ трескомъ,
Онъ тьму ночную озаритъ
Сіянья сѣвернаго блескомъ.
Не попадалось намъ слѣдовъ
Ни деревень, ни городовъ,
Все степь — и на краю небесъ
Видѣлся черной гранью лѣсъ;
Кой-гдѣ, на дальнихъ высотахъ,
Зубцы я видѣлъ на стѣнахъ
И башняхъ, отъ татаръ страну
Оберегавшихъ встарину, —
И только; больше никакихъ
Слѣдовъ людскихъ; лишь годъ назадъ
Тамъ турокъ армія прошла:
Казалось, почва поросла
Кровавымъ дерномъ въ тѣхъ мѣстахъ,
Гдѣ Спаги мчались на коняхъ.
Сводъ неба сумракъ облегалъ,
И грустно вѣтеръ завывалъ;
Хотѣлъ я вздохомъ отвѣчать,
Но ни молиться, ни вздыхать
Не могъ; мы мчались все впередъ,
Съ меня дождемъ холодный потъ
На гриву падалъ, конь же мой
Въ пугливомъ бѣшенствѣ храпѣлъ
И по пустынѣ вдаль летѣлъ.
Напрасно думалъ я порой,
Что скоро ослабѣетъ онъ,
Поспѣшнымъ бѣгомъ изнуренъ:
Я былъ, привязанный на нѣмъ,

Для гнѣвной силы испочѣмъ,
 И возбуждало лишь ее,
 Какъ остріе везицкихъ шпоръ,
 Усиле каждое мое
 Дать членамъ славеннымъ просторъ.
 И голосъ свой я испыталъ:
 Онъ былъ и слабъ, и тихъ; но вдругъ
 Мой конь рванулся, будто звукъ
 Трубы внезапно услышалъ,
 При каждомъ словѣ тревожа.
 И прыгалъ въ бокъ; нежъ гнѣмъ нощ
 Веревки были всѣ въ крови,
 И жажда мучила меня,
 И жгла языкъ сильнѣй огня.

12.

«И вотъ предъ лѣсомъ мы густымъ.
 Онъ былъ глубокъ, необозримъ;
 Тамъ вѣковыя дерева,
 Которыхъ гордая глава
 Не преклонялась предъ грозой,
 Стояли твердою стѣной;
 И густо, густо между нихъ
 Ряды деревьевъ молодыхъ
 Свѣжѣй, роскошнѣй, зеленѣй,
 Росли во всей красѣ своей:
 Весна имъ щедро каждый годъ
 Одежду новую даетъ,
 А осень снова обнажить;
 Тогда опавшій листь лежитъ,
 Окрашенъ въ мертво-красный цвѣтъ,
 Какъ будто послѣ битвы слѣдъ
 Застывшей крови. Средь полянъ
 Я видѣлъ кое-гдѣ каштанъ
 И мощный дубъ; порой видна
 Была суровая сосна,
 Но отъ дороги въ сторонѣ..

Ихъ сучья не мѣшали мнѣ.
 А то иначе — жребій мой,
 Конечножь былъ совсѣмъ другой...
 Мнѣ рапы холодъ оковагъ,
 Узлы веревки крѣпко сжалъ,
 И такъ межъ пней, деревъ, кустовъ
 Мы мчались на крылахъ вѣтровъ,
 И быстрымъ скокомъ волки тамъ
 Неслись за нами по слѣдамъ;
 Сквозь лѣсъ сіяющей зарей
 Я видѣлъ ихъ вблизи за мной,
 А ночью все хрустѣлъ въ ухахъ
 Ихъ легкой, крадущейся шагъ.
 О, какъ желалъ я въ этотъ мигъ
 Съ мечемъ ворваться въ стаю ихъ,
 И кончить въ бѣшеномъ бою,
 По крайней мѣрѣ, жизнь мою!
 Какъ мучилъ страхъ теперь меня,
 Что силъ не станетъ у коня!
 Напрасно: средь пустынь рождень,
 Какъ серна горь, былъ легокъ онъ,
 И быстръ, какъ вѣтра буйный бѣгъ.
 Когда онъ гонитъ бѣлый снѣгъ,
 Имъ очи путника слѣпнуть,
 Морозомъ члены леденить,
 Чтобъ никогда бѣднякъ не могъ
 Ступить за близкій ужь цорогъ;
 И, головой своей крутя,
 Онъ мчался по троцамъ лѣснымъ.
 Золъ, бѣшенъ и неукротимъ,
 Какъ своенравное дитя,
 Какъ женщина, когда она
 Отмстить кому за зло властна.

13.

«Мы миновали темный лѣсъ.
 Ужь солнце было средь небесъ:

Но холодъ въ воздухѣ стоялъ,
 Или-то въ жилахъ пробѣгалъ
 Ихъ леденящій, мертвый хладъ?
 Странанья хотъ кого смирять;
 Я былъ тогда совсѣмъ другой:
 Порывистъ, какъ потокъ весной,
 И больше чувствовалъ, чѣмъ могъ
 Причину чувствъ тѣхъ рассказать,
 А много мнѣ пришлось страдать
 Отъ этой смѣси всѣхъ тревогъ:
 Я былъ и холоденъ и нагъ,
 Меня томили стыдъ и страхъ,
 И злость, снѣдающая духъ,
 Тоска, и гнѣвъ, и боль — все вдругъ.
 Происходя отъ тѣхъ людей,
 Въ чѣихъ жилахъ кровь кипитъ сильнѣй,
 И узъ не терпитъ, точно змѣй
 Въ минуты ярости своей, —
 Диковина-ль, что той порой,
 Страдая тѣломъ и душой,
 Подъ гнѣтомъ боли и тревогъ,
 Я на минуту изнемогъ?
 Мнѣ быстрый бѣгъ туманилъ взглядъ;
 Мелькая, путь бѣжалъ назадъ;
 Огромнымъ сильнымъ колесомъ
 Вертѣлись небеса кругомъ;
 Ложились на-земь дерева....
 Мнѣ было тошно, голова
 Моя кружилась, мозгъ болѣлъ,
 То на минуту онъ пѣмѣлъ,
 То снова бился и дрожалъ;
 Лучъ мимолетный пробѣжалъ
 Въ глазахъ моихъ, и въ тотъ же мигъ
 Непроницаемою тьмой
 Покрылся взоръ угасшій мой.
 Я силъ очнуться не имѣлъ,
 Не могъ поднять своихъ очей,
 Лишь въ глубинѣ души моей
 Рой чувствъ подавленныхъ кипѣлъ;

И, видя близкій свой конецъ,
 Я былъ, какъ на доскѣ плывецъ
 Средь волнъ морскихъ, когда онѣ
 Его крутятъ, толкаютъ, бьютъ,
 И шумно къ берегу несутъ.
 Жизнь колебалася во мнѣ,
 Свѣтъ порой сквозь мракъ, точь въ точь
 Какъ тѣ огни въ глухую ночь,
 Которые по временамъ
 Закрытымъ, страждущихъ очамъ
 Являются въ тяжелый мигъ,
 Когда горячка мучитъ ихъ;
 Еще усиліе одно —
 Все стало смутно и темно.
 Боль замѣнилъ хаосъ на часъ,
 Что было хуже во сто разъ....
 О, было бѣ слишкомъ мнѣ опять
 Тожь, умирая, испытать;
 Однако — я увѣренъ въ томъ —
 Намъ предстоятъ передъ концомъ
 Сильнѣйшій страданія и страхъ,
 Пока не обратимся въ прахъ;
 Но я готовъ на смерть, предъ ней
 Не отвращу моихъ очей.

14.

«И я очнулся. Гдѣ я былъ?
 Окоченѣлый и безъ силъ....
 И медленно, едва-едва,
 Вступала жизнь въ свои права;
 Чуть билось сердце, пульсъ дрожалъ,
 По членамъ трепеть пробѣгалъ,
 И съ болью взволновалась вновь
 Охлаждающая кровь.
 Въ ухахъ моихъ былъ странный шумъ,
 Въ умѣ рой безотрадныхъ думъ,
 Я могъ смотрѣть, но тяжело,

Какъ бы сквозь темное стекло.
 И было на небѣ свѣтло,
 Смотрѣли звѣзды съ вышины,
 Вблизи я слышалъ плескъ волны —
 Нѣтъ, то не сонъ! мой конь повлекъ
 Меня въ бунтующій потокъ.
 Онъ былъ стремителенъ, широкъ,
 Съ трудомъ мы плыли по волнамъ
 Къ безвѣстнымъ, темнымъ берегамъ:
 Но гордо конь сердитый валъ
 Широкой грудью пробивалъ,
 Съ усильемъ цѣли достигалъ.
 Я мало пристани былъ радъ:
 Взглянувъ впередъ, взглянувъ назадъ,
 Я видѣлъ только тьму одну,
 Ужасной почти глубину,
 И не совсѣмъ то сознавалъ,
 Земной ли жизнию дышалъ.

15.

«Съ лоснистой шерстью, съ мокрой гривой,
 Дымясь, шатаюсь подо мной,
 Собравъ всѣ силы, конь ретивый
 Взялся на берегъ крутой.
 Достигая мы его вершины,
 Оттуда я на степь взглянулъ,
 Мой взоръ въ пространства потонулъ:
 Тянулись въ сумракъ равнины,
 Безъ очертаній и лица,
 Все дальше, дальше, безъ конца....
 Такъ въ безпокойныхъ грѣзахъ сна
 Мы видимъ пропасти безъ дна;
 И тамъ и сямъ, по временамъ,
 Блѣлись пятна по степямъ,
 И массы зелени густой
 Въ глаза кидались порой
 Изъ темноты, озарены

Лучомъ всплывающей луны,
 Но никакихъ не видѣлъ я
 Тамъ знаковъ близкаго жилья;
 Ни свѣтъ огня во тьмѣ ночной,
 Гостепривимною звѣздой,
 Миѣ издалѣка не свѣтиль,
 Хотя бѣ блудящій огонекъ
 Своей игрой мой взоръ привлекъ:
 Миѣ бѣ видѣ его отраденъ былъ,
 Напомнивъ миѣ въ тотъ горькій мигъ
 Объ обшатищахъ людскихъ.

16.

«Мы подвигались все впередъ,
 Но вижу — конь мой устаетъ,
 И, бѣлой ивною покрытъ,
 Ужъ не по прежнему бѣжитъ;
 Теперь и слабое дитя
 Могло бѣ имъ управлять, шутя.
 Что пользы въ томъ? къ его спиѣ,
 Какъ прежде, я привязанъ былъ
 И еслибъ дать свободу миѣ,
 Она бѣ, въ тотъ часъ упадка силъ,
 Больному тѣлу моему
 Не послужила ни къ чему.
 Однако я хотѣлъ опять
 Свои оковы разорвать —
 Но какъ ничтожна и слаба
 Была напрасная борьба!
 Уже по свѣтлымъ полосамъ,
 Раскинутымъ по небесамъ,
 Я видѣлъ приближенъе дня, —
 Увы, какъ тихо для меня
 Текли часы! казалось тѣнь
 Тумана утренняго въ день
 Не перейдетъ. Но вдругъ востокъ
 Зардѣлся розовымъ огнемъ:

Шаръ солнечный всходилъ по немъ,
Въ своемъ сіяньи одинокъ,
Раздвинулъ соннѣ ночныхъ свѣтилъ,
Ихъ колесницы помрачилъ,
И пролилъ съ неба въ мѣръ земной
Свѣтъ незамствованный свой.

17.

«Волнуясь, утренній туманъ
Поднялся отъ пустынныхъ странъ,
Лежавшихъ дѣвственнымъ ковромъ
Вдали, и сзади, и кругомъ.
Къ чему же послужило намъ
Такъ долго мчаться по степямъ,
Въ лѣса глухіе проникать,
И волны рѣкъ переплывать?
Все также были мы теперь
Въ степи; ни человѣкъ, ни звѣрь
Здѣсь не оставили слѣда,
Ни знакъ работы и труда
Не затерялся средь степей,
Роскошныхъ въ дикости своей.
Былъ самый воздухъ нѣмъ и тихъ,
Въ травахъ высокихъ и густыхъ
Рой насекомыхъ не жужжалъ,
Хоръ птицъ веселый не звучалъ
По зеленѣющимъ кустамъ,
На встрѣчу утреннимъ лучамъ.
И долго конь усталый мой
Тащился шагомъ, чуть живой;
Не могъ свободно онъ вздохнуть,
И задыхался, будто грудь
Рвалась на части у него, —
Но намъ навстрѣчу никого
Не попадалось. Вдругъ вдали,
Гдѣ сосны черныя росли,
Какой-то шумъ я услышалъ,

Не вихрь ли сучья всколебалъ?
 Нѣтъ, это былъ табунъ коней,
 Возросшихъ тамъ, среди стешей,
 На дикой волѣ; ихъ бока
 Не знали шпоры сѣдока,
 Ихъ не касались никогда
 Ни хлысть, ни поводъ, ни узда;
 По вѣтру гривы распустивъ
 И ноздри широко раскрывъ,
 Стремительно, какъ вихрь степной,
 И массой темной и густой,
 Подобные морскимъ волнамъ,
 Они неслись на встрѣчу къ намъ.
 Увидѣвъ ихъ, мой конь заржалъ,
 Шатаясь, тихо побѣжалъ,
 И вдругъ упалъ, лишенный силъ,
 Глаза недвижно устремилъ,
 Въ предсмертныхъ мукахъ захрипѣлъ. —
 Послѣдній часъ его приспѣлъ!

И кони подбѣжали къ намъ,
 И удивленными очами
 Смотрѣли, какъ лежалъ я тамъ,
 Привязанъ крѣпкими узлами;
 То тихо подойдутъ, храпятъ,
 То быстро всторону рванутся,
 Пустыню ржаньемъ огласятъ,
 Кругами по полю несутся,
 И къ лѣсу бросились назадъ:
 Страшилъ ихъ человѣка взглядъ.
 Они оставили опять
 Меня томиться и страдать
 Средь этой степи безграничной,
 Гдѣ конь мой кости положилъ,
 Гдѣ смертный часъ освободилъ
 Его отъ ноши непривычной;
 Безъ жизни онъ теперь лежалъ,
 А я — на мертвомъ умираю!

Кто изъ людей въ тревогахъ
За жизнь, боязнию тревожишь,
Себя заботливо храня?
Какъ будто смерть есть западня,
Которой избѣжать мы можемъ!
И хоть порой ее мы ждёмъ,
Какъ блага молниѣ и желаемъ,
Порой, въ отчаяннѣ своемъ,
На жизнь мы руку поднимаемъ,
Но никогда нашъ смертный часъ
Не будетъ во время для насъ,
И самымъ тягостнымъ мученьямъ
Все жъ будетъ горькимъ заключеньемъ.
Но странно: роскоши сыны,
Что въ наслажденьяхъ утопають,
Черезъ мѣру всѣмъ упоены,
Спокойно часто умирають,
Или спокойнѣе, чѣмъ тѣ,
Что жили въ горѣ, въ нищетѣ.
Тому, кто средь путн земнаго
Зналъ все, что радостно и ново,
Ужъ больше нечего желать,
Иль за собою оставлять....
Несчастный все конца бѣдамъ
Съ надеждой ждетъ, его очамъ,
Томнымъ горемъ постояннымъ,
Смерть кажется врагомъ неожиданнымъ:
Она пришла его лишить
Вѣнца за всё, и, умирая,
Увы! — не можетъ онъ вкуспть
Плодовъ имъ созданнаго рая;
День завтрашній ему бѣ все далъ,
Его бѣ воздвигнулъ отъ паденья,
Онъ отъ него награды ждалъ
За всё страданья и гоненья;
День завтрашній, въ замѣну бѣдъ,
И тернѣя, готовилъ розы,
Готовилъ рядъ счастливыхъ лѣтъ,
Ему сіяющихъ сквозь слезы:

Не сталъ бы жизнь онъ проклинать;
 День завтрашній ему бь дакъ следу
 Владѣть, блистать, карать, спасать, —
 И лечь ему теперь въ могилу !?

18.

« Садилось солнце, — я лежалъ
 На коченѣющемъ конѣ
 И думалъ : здѣсь погибнуть мнѣ....
 Туманъ глаза мнѣ покрывалъ,
 Они нуждались въ вѣчномъ снѣ.
 Возврата не было назадъ!
 Я бросилъ мой послѣдній взглядъ
 На небеса и увидалъ
 Тамъ ворона : онъ ожидалъ
 Моей лишь смерти — ниръ начать;
 То онъ садился, то опять
 Вверхъ подымался и парилъ
 Ко мнѣ все ближе каждый разъ;
 Сквозь сумракъ вечера мой глазъ
 Полетъ крыла его слѣдилъ;
 Однажды такъ онъ близокъ былъ,
 Что я бь его ударить могъ,
 Когда бы сила.... по песокъ,
 Который чуть-чуть зашумѣлъ,
 Когда привстать я захотѣлъ,
 Движенье ослабѣвшихъ рукъ,
 Да горла напряженный звукъ,
 Который голосомъ назвать
 Едва ли можно, отогнать
 Его успѣли отъ меня.
 Затѣмъ уже не помню я
 Что было; снилась мнѣ тогда
 Одна мнѣ милая звѣзда:
 Она смотрѣла издали
 Въ глаза померкшіе мои,
 Играя въ небѣ голубомъ
 Своимъ блуждающимъ лучомъ.

Затѣмъ тупой , холодный , смутный
 Возвратъ изъ сознанию минутный ,
 Опять безчувствіе потомъ ,
 И вновь чуть слышное дыханье ,
 Дрожь , на минуту замиранье ,
 Лѣдъ возлѣ сердца моего ,
 Стонъ , вырвавшійся противъ воли ,
 Лучъ въ мысляхъ , трепеть , чувство боли ,
 Да вздохъ — и больше ничего .

19 (*).

«И я очнулся. Неужели
 Теперь лежу я на постели?
 Кто это на меня глядитъ?
 Неужли кровля надо мною?
 Чей взоръ съ заботою такою
 Мои движенья сторожитъ?
 Тамъ у стѣны въ углу сидѣла
 Казачка, дѣвушка; она,
 Участья нѣжнаго полна,
 Съ мольбою на меня смотрѣла:
 И я на мигъ глаза закрылъ,
 Боясь — не сонъ ли это былъ....
 При первомъ мыслей пробужденіи
 Я встрѣтилъ этотъ чудный взглядъ;
 Смотрю.... нѣтъ, это не видѣнье,
 Мнѣ то всѣ чувства говорятъ!
 Когда жь казачка увидала,
 Что моцъ глаза я открывать,
 То улыбнулась, подбѣжала,
 Рукою знакъ дала молчать,
 Къ лицу мнѣ руку приложила,
 Поправила подушку мнѣ,
 Тихонько дверь пріотворила,
 И вышла вонъ; и въ тишинѣ
 Чуть слышной музыкой раздался
 Ея шаговъ скользящихъ шумъ,

(*) Эта глава въ переводѣ значительно сокращена: подробности показались переводчику утомительными. Цришѣч. перев.

И я опять одинъ остался,
Въ смущеннѣ пробужденныхъ душъ.

20.

«Она съ отцомъ пришла опять....
Но я не буду утомлять
Васъ описаньемъ тѣхъ годовъ,
Когда я жилъ межъ казаковъ.
Они безъ чувствъ меня нашли
Въ степи, и въ хату принесли,
Мнѣ дали жизнь опять узрѣть,
Чтобъ ими нѣкогда владѣть!
Безумцы, въ ярости своей,
Изобрѣтая мнѣ мученья,
Меня прогнали въ глушь степей,
Въ крови, нагаго, безъ движенья,
Чтобы по этому пути,
Черезъ степь, мнѣ къ власти перейти.
Судьбу свою кто можетъ знать?
Къ чему жъ теперь намъ унывать?
Уйдемъ мы скоро отъ погони
И завтра будутъ наши кони
За Борисѣеномъ отдыхать.
Съ какою радостію очи
Я на Диѣрѣ бѣ остановилъ....
Товарища, спокойной ночи!»

Такъ гетманъ повѣсть заключилъ.
Подъ тѣнью дуба вѣковаго
Онъ съ нѣгой сладкой легъ потомъ .
На ложѣ ливственномъ своемъ.
Ему то было ужъ не ново:
Лишь часъ удобный приходилъ,
Вездѣ онъ отдыхъ находилъ;
И если Карлъ забылъ герою
Сказать спасибо за рассказъ,
Не удивляйтесь: той порою
Онъ крѣпко спалъ ужъ цѣлый часъ.

Д. М—Х—Л.

СОВРЕМЕННОСТЬ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ СЪ 1847 ГОДА Н. ПАНАЕВЫМЪ И Н. НЕКРАСОВЫМЪ

— LXIX —
ТОМЪ LXIX
—

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

ВЪ ТИПОГРАФИИ ГЛАВНАГО ШТАБА ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА
ПО ВОЕННО-УЧЕБНЫМЪ ЗАВЕДЕНІЯМЪ

—
1858